

М.О. Гершензон

**Декабрист Кривцов и его
братья**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г42

Г42 **Гершензон М.О.**
Декабрист Кривцов и его братья / М.О. Гершензон – М.: Книга по Требованию,
2014. – 304 с.

ISBN 978-5-458-08693-6

ISBN 978-5-458-08693-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ

Хорошо на часъ-другой уйти душою въ прошлое, и отдохнуть, и освѣжиться тамъ въ созерцаніи иной жизни, въ забвеніи себя и оглушающей сумятицы дня; а если окунуться глубже—большія теченія исторіи неизбѣжно выносятъ мысль изъ прошлаго назадъ въ настоящее, но окрѣпшею и просвѣтленною.

Таковъ и замыселъ этой книги: углубиться въ одной точкѣ прошлаго—до основныхъ теченій исторіи, рассказать судьбы одной семьи такъ, чтобы сквозь нихъ стало видимо движеніе общественно-психологическихъ силъ. Я выбралъ для такого изображенія эпизодъ изъ исторіи того времени и того круга, гдѣ совершался коренной переломъ въ исторіи русскаго общества, и эпизодъ, какъ мнѣ казалось, достаточно типическій. Мнѣ было увлекательно вглядываться въ эту повседневную жизнь, слѣдить за спованіемъ ея маленькихъ челноковъ, какъ-будто случайно переплетавшихъ нити по всеѣмъ направленіямъ, и однако выводившихъ прекрасный сложный узоръ, вовсе не случайный; въ надеждѣ пріобщить и другихъ къ участию, какое возбуждали во мнѣ самознѣтѣ дѣла и люди, написана эта хроника стародавнихъ дѣтъ.

Она написана на основаніи бумагъ семейнаго архива Кривцовыхъ, переданнаго мнѣ Е. Н. Орловой, неизданныхъ дневниковъ Н. П. Кривцова и писемъ его и его жены къ

Чичеринымъ, предоставленныхъ мнѣ А. А. Чичериной, на основаніи официальныхъ документовъ, какіе нашлись въ архивахъ: Государственномъ, Комитета Министровъ, Министерства Внутреннихъ дѣлъ и Министерства Иностранныхъ дѣлъ (московское отдѣленіе), и всѣхъ печатныхъ свѣдѣній, относящихся къ предмету этой книги. Какъ Е. Н. Орловой и А. А. Чичериной, такъ я обязанъ глубокой благодарностью особенно Второму Отдѣленію И. Академіи Наукъ, представительство котораго открыло мнѣ доступъ въ наши трудно-доступные казенные архивы, С. К. Богоявленскому, Н. А. Гольденвейзеръ, С. Н. Маслову, Б. Л. Модзалевскому и В. П. Семеvскому, которые своимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ облегчили мой трудъ.

Москва.
29 января 1914 г.

ДЕКАБРИСТЪ КРИВЦОВЪ

И ЕГО БРАТЯ.

I.

... По что еще предвизку?
Память зарево Москвы освѣтитъ путь къ Парижу.
Н. Остологовъ.

Се образъ изваялъ премудраго героя.
Домоносоговъ.

Николай Кривцовъ, двадцати одного года, офицеръ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, раненный подъ Бородиною въ лѣвую руку пулею на вылетъ и взятый въ плѣнь, былъ привезенъ французами въ Москву, и празднымъ зрителемъ, какъ военнопленныи, прожилъ здѣсь все время, пока Наполеонъ владѣлъ Москвою. Онъ еще до войны, въ Петербургѣ, былъ знакомъ съ Коленкуромъ, тогда французскимъ посломъ при русскомъ дворѣ, и бывалъ на его вечерахъ; тутъ, въ горящей Москвѣ, они встрѣтились, Коленкуръ доложилъ о немъ Наполеону, и по требованію послѣдняго представилъ ему Кривцова. Въ тѣ дни Наполеонъ искалъ разговора съ образованными русскими людьми; оставленіе Москвы русской арміею и потомъ сожженіе ея поставили его въ тупикъ: онъ не понималъ этой пассивной неподатливости своихъ враговъ и тщетно силился разгадать тревожившую его загадку. Кривцовъ оказался столь же вѣжливо-непроницаемымъ, какъ и другіе, и Наполеонъ отпустилъ его послѣ короткаго разговора. Дальнѣйшая судьба Кривцова

зависѣла отъ того, оставить ли его французы въ Москвѣ или уведутъ съ собою. Его выручилъ случай. Дня за два до выступленія французовъ, въ пріемной «префекта Москвы» Лессепа онъ встрѣтилъ знакомую ему по Петербургу жену итальянскаго гравера Вендрамини, которая жила съ мужемъ въ Москвѣ и теперь была крайне встревожена слухами о предстоящей послѣ ухода французовъ расправѣ простонародья съ иностранцами. Кривцовъ успокоилъ ее, обѣщавъ исходатайствовать ей съ мужемъ квартиру въ Воспитательномъ домѣ и защищать ихъ, если останется въ Москвѣ. Послѣ этого г-жа Вендрамини, по совѣту одного французскаго полковника, отправилась къ герцогу Тревизскому, чтобы освѣдомиться, будетъ ли Кривцовъ оставленъ. Маршалъ спросилъ ее, хорошо ли она знаетъ Кривцова, добръ ли онъ и человѣколюбивъ, и когда она отвѣтила утвердительно, онъ, немного подумавъ, объявилъ ей, что Кривцовъ останется. Дѣло въ томъ, что французскій штабъ тревожился за участь своихъ многочисленныхъ раненыхъ и больныхъ, оставшихся въ Москвѣ, и такъ какъ одинъ изъ главныхъ лазаретовъ находился какъ-разъ въ Воспитательномъ домѣ, гдѣ жилъ, лечась отъ раны, и Кривцовъ, то благоразуміе совѣтовало оставить его для возможнаго заступничества за раненыхъ. Въ запискѣ, данной Лессепсомъ г-жѣ Вендрамини, было сказано: «Прощайте, любезный Кривцовъ, поручаю вамъ въ особенности семейство Вендрамини, а также и всѣхъ бѣдныхъ французовъ, которыхъ вы будете въ состояніи спасти».

Кривцовъ, съ разрѣшенія начальника Воспитательнаго дома, генерала Тутолмина, дѣйствительно очень хорошо устроилъ Вендрамини. Въ страшную ночь послѣ выступленія французской арміи, когда заложеныя ею мины взрывали арсеналь и Кремлевскія башни, онъ нѣсколько разъ приходилъ къ нимъ и успокаивалъ ихъ, несмотря на боль, которую

причиняла ему рана въ рукѣ. На другой день случилось то, что предвидѣли французскіе начальники. Два больныхъ изъ французскаго лазарета прогуливались по набережной Москвы-рѣки противъ Воспитательнаго дома. Только-что вступившіе въ Москву казаки напали на нихъ, взяли въ пики и сбросили, еще живыхъ, въ рѣку. Увидѣвъ это, товарищи убитыхъ изъ Воспитательнаго дома сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по казакамъ; тогда казаки ворвались въ Воспитательный домъ, и нѣсколько сотъ больныхъ французовъ, наполнявшихъ лазаретъ, несомнѣнно были бы перебиты, если бы не подоспѣлъ Кривцовъ. Онъ, не безъ труда, убѣдилъ французовъ признать себя его плѣнными (они уже вооружались, чтобы дать отпоръ казакамъ), затѣмъ бросился навстрѣчу казакамъ и объявилъ ихъ офицеру, что всѣ здѣсь находящіеся французы — военноплѣнные, за которыхъ онъ, Кривцовъ, отвѣчаетъ. Раздраженные выстрѣлами казаки повидимому не желали уступить, но въ концѣ-концовъ Кривцову удалось ихъ выпроводить.

Этотъ небольшой подвигъ, сослужилъ Кривцову въ послѣдствіи хорошую службу. Французскія газеты протрубили о великодушномъ поступкѣ благороднаго русскаго офицера, потомъ исторія эта вошла и въ многочисленные французскіе мемуары о походѣ Наполеона въ Россію, разумѣется изукрашенная и драматизированная: *le généreux M. Krivtsov*, съ рукой на перевязи, въ дверяхъ загораживаетъ дорогу казакамъ, которые врываются по лѣстницѣ *en poussant des hurlements sangüinaires*; ихъ угрозы его не устрашаютъ, онъ торжественно приказываетъ имъ удалиться, и его слова, *prononcées avec l'enthousiasme et la fermeté d'une sublime inspiration*, оказываютъ желаемое дѣйствіе. Какъ бы то ни было, этотъ эпизодъ или эти рассказы сдѣлали имя Кривцова извѣстнымъ. Когда вскорѣ послѣ реставраціи Бурбоновъ онъ пріѣхалъ въ Парижъ, Людовикъ XVIII принялъ его,

благодарилъ, и пожаловалъ ему орденъ Почетнаго легиона (который, впрочемъ, дошелъ до Кривцова только десять лѣтъ спустя). Говорятъ, что и Александръ I лично благодарилъ его за спасеніе французовъ ¹.

Кривцовъ былъ сынъ зажиточнаго орловскаго помѣщика; онъ родился въ 1791 году въ родовомъ имѣніи отца Тимофеевскомъ, Болховскаго уѣзда, первоначальное образованіе получилъ дома и все дѣтство провелъ въ деревнѣ. Учили его слегка, а баловали сильно: онъ былъ въ малолѣтствѣ слабаго здоровья; позднѣе онъ окрѣпъ, сталъ рослымъ и сильнымъ, и даже славился способностью переносить всякую службу, чѣмъ въ Петербургѣ заслужилъ расположеніе вел. кн. Константина Павловича. Въ Петербургъ для опредѣленія на службу его привезъ въ 1807 г. родственникъ его отца С. Н. Тургеневъ, отецъ Ивана Сергѣевича, писателя. Кривцовъ вступилъ юнкеромъ въ Егерскій гвардейскій полкъ. Ставъ на рельсы, онъ покатился ровно и быстро: мелькнули въ короткихъ промежуткахъ первые верстовые столбы военной карьеры — портуней-юнкеръ, прапорщикъ, подпоручикъ, и французское наше-ствіе застало его уже поручикомъ ². Аккуратность, испол-

¹ О Н. П. Кривцовѣ въ занятой французами Москвѣ см. скромныя и добросовѣстныя записки Вендрамини — „Ежедневное прибавленіе“ къ „Рус. Инвалиду“ за 1864 г. №№ 30 и 31 (перев. съ франц.); „La Russie pendant les guerres de l'Empire“, souvenirs historiques de M. Armand Domergue, Paris, 1835, t. II, pp. 132—133; Gadaquel, Relation du séjour des Français à Moscou, etc., Bruxelles, 1871 (цитировано въ: A. Surague, Mil huit cent douze. Les Français à Moscou, Moscou 1910, pp. 56—57); Рус. Арх. 1864, ст. 1078—79 (здѣсь сказано, что при вторженіи толпы въ Воспитательный домъ Кривцовъ одѣлъ мундиръ и объявилъ себя московскимъ генераль-губернаторомъ). Сравни. „Воспоминанія“ А. М. Фадѣева, Одесса, 1897, стр. 162—163. — Рескриптъ Карла X отъ 24 июля 1826 г. о пожалованіи Кривцову ордена Почет. лег. à dater du 18 Avril 1816, находится въ Моск. Архивѣ Иностран. Д., Администр. дѣла, III, 6, 1827, 6.

² Формулярный списокъ Н. П. Кривцова въ „Рус. Стар.“ 1888, дек., стр. 729, и цитируемыя ниже воспоминанія о немъ Сабурова, Чичерина, статьи Гасекаго въ „Вѣстн. Евр.“ 1867 г.

нительность, правильныя привычки были въ его натурѣ. Въ эти годы онъ кажется копіей молодого Чаадаева: та же врожденная трезвость и корректность, то же до ригоризма скромное и строгое поведеніе, тотъ же гордый и независимый характеръ, пока еще смягчаемый молодостью, но уже внушающій уваженіе, наконецъ то же влеченіе къ аристократическому обществу. Повидимому, это были типичныя черты эпохи. Неудивительно, что Кривцовъ былъ на хорошемъ счету, былъ извѣстенъ великимъ князьямъ и даже государю. Я. П. Сабуровъ разсказываетъ, что однажды государь, гуляя по набережной, увидѣлъ Кривцова, входящаго въ домъ французскаго посла въ тонкомъ мундирѣ на распашку и щегольской жилеткѣ, что было тяжкимъ нарушеніемъ формы. Кривцовъ самъ поспѣшилъ заявить полковому командиру о своемъ проступкѣ и былъ посаженъ на гауптвахту. На слѣдующій день великій князь Константинъ Павловичъ потребовалъ его къ себѣ и спросилъ: гдѣ онъ былъ вчера, когда встрѣтилъ государя? Кривцовъ отвѣчалъ, что у Коленкура. «Хорошо, сказалъ великій князь, братъ велѣлъ тебя похвалить; посѣщай хорошее общество»¹.

Кривцовъ участвовалъ въ сраженіи подѣ Смоленскомъ, подѣ Бородиномъ одинъ уцѣлѣлъ изъ всѣхъ офицеровъ своей роты, но, раненный въ руку, какъ сказано, былъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ французами въ Москву, гдѣ мы и встрѣтили его въ первый разъ. Послѣ освобожденія Москвы онъ вмѣстѣ съ другими больными былъ отправленъ для излеченія въ Петербургъ; здѣсь-то государь, обходя госпиталь, вѣроятно и благодарилъ его за спасеніе французскихъ плѣнныхъ и пожаловалъ ему на леченіе 5000 рублей. Это было первое изъ многочисленныхъ денежныхъ

¹ Я. П. Сабуровъ „И. П. Кривцовъ“, „Рус. Стар.“ 1888, декабрь, стр. 720—721.

«пособій», которыя онъ сперва удачно получалъ, а послѣ научился искусно выпрашивать. Вылечивъ руку, онъ вернулся въ армию, въ маѣ (1813 года) участвовалъ въ сраженіи при Бауценѣ, въ іюлѣ получилъ штабсъ-капитана, а 18-го августа, при Кульмѣ, французское ядро оторвало ему лѣвую ногу выше колѣна. Это произошло, говорятъ, на глазахъ государей, участвовавшихъ въ битвѣ, и они осыпали его наградами. При операциі сдѣлался антоновъ огонь, который вырѣзывали, и обнажили кость, отъ чего онъ впослѣдствіи очень страдалъ. Еще рассказываютъ, что въ Прагѣ, гдѣ онъ лежалъ первое время, за нимъ ходила какая-то знатная дама — сестра милосердія, которая познакомила его со многими нѣмецкими и англійскими аристократическими семействами. Крѣпкій организмъ выдержалъ увѣчье; позднѣе, въ Лондонѣ, Кривцову сдѣлали искусственную ногу, съ которой онъ могъ не только ходить, но даже танцевать. Военная карьера конечно была ему закрыта.

Онъ остался за границей надолго — до половины 1817 г. Въ эти три года онъ объѣхалъ бѣольшую часть Европы: Австрію, Швейцарію, Францію, Германію, побывалъ въ Англии, по нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ Вѣнѣ и Женевѣ, полтора года въ Парижѣ. Онъ путешествовалъ такъ, какъ вообще путешествовали тогда просвѣщенные русскіе туристы, — не на спѣхъ, не лихорадочно, а съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой, всюду заводя знакомства съ выдающимися людьми, слушая лекціи, изучая устройство школъ, судовъ, тюремъ, богадѣленъ, и все заносилъ въ дневникъ съ мыслью о Россіи. Такъ до него путешествовалъ по Европѣ Карамзинъ, и лѣтъ десять послѣ него, въ 1820-хъ годахъ, А. И. Тургеневъ.

Этотъ заграничный дневникъ Кривцова сохранился. Онъ писанъ по французски и очень великъ: четыре тѣсно-ис-